

Коктебельская сюита

серия медали-премии им. Максимилиана Волошина

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ

АЛЕКСАНДР ЗУБКОВ

The book cover features a composite image. The top half shows a bright blue sky with a few clouds. Below the sky is a vast green field with a dirt road leading towards a single tree on the horizon. In the foreground, a large, rustic stone archway is built from irregular grey and white stones. Through the archway, a dark blue night sky filled with stars is visible. Four large, glowing orange-red spheres, resembling planets or moons, are arranged in a diagonal line from the bottom left towards the top right, passing through the arch. At the bottom of the cover, several dark grey stone pillars or structures are visible, partially obscured by the arch's base.

Коктебельская сюита

Александр Зубков

Доказательство существования

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Зубков А. П.

Доказательство существования / А. П. Зубков — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Коктебельская сюита)

ISBN 978-5-907306-59-2

Борьба за диссертацию включает множество приемов и встречает сопротивление на многих уровнях социальной жизни. Ведь ее успешная защита предполагает в дальнейшем серьезное улучшение материального благополучия и административный рост молодого ученого. У Сергея вроде бы все неплохо с научными изысканиями, но к защите дело никак не продвигается. И героя накрывает ностальгия – тоска по малой родине, покинутой им навсегда.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-59-2

© Зубков А. П., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	9
5	11
6	13
7	14
8	16
9	17
10	18
11	20
12	21
13	22
14	23
15	24
16	25
17	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Павлович Зубков

Доказательство существования

Роман

1

Я постоял под душем, постепенно понижая температуру падающей на меня воды; когда ощущение холода стало непереносимым, я оставил ручку крана в покое. Затем с удовольствием вытерся.

Этим пасмурным апрельским утром нам с Инной предстояло ехать на свадьбу Марины и Петра; в назначенный час, когда дождь немного поутих, мы выехали. Георгий Петрович, отец Инны, бывший военный летчик, уже был там, на месте.

И вот наконец свадьба.

Здесь было что-то вроде авансены, причем отнесенной достаточно далеко. Бравые упитанные молодые люди сделали представление о «жизни и деяниях Петра» (в танце); было хорошо. Затем три сестры Льва Ефимовича – отца Марины – спели песню Анны Герман «Один раз в год сады цветут».

Я говорю – упитанные, на самом деле они, пожалуй, были нормальными, это я был чрезмерно худощав.

– Я Лев, но не Толстой, Эренбург, но не Илья. Поэтому запомнить меня легко, – сказал Лев Ефимович, полковник медицины в отставке. Он был довольно худой и несколько согнувшийся.

– Он Лев, а моя фамилия Медведь, так что подружиться, – подхватил отец жениха.

Слово взял тамада.

– А это моя жена. По отчеству Марксовна, а фамилия в девичестве была Старая. Алла Марксовна Старая.

Жена его сидела рядом, неподвижно, и на лице ее было что-то похожее на полуулыбку.

Что касается Льва Ефимовича, то он когда-то давно жил по соседству с Георгием Петровичем, и они дружили; он часто помогал всей семье как врач. Впрочем, Лев Ефимович отлично понимал и в иных вопросах; Валентина Николаевна, покойная мать Инны, когда нужно было разобраться с какой-то проблемой, приходила к ним, и Евгения Моисеевна, жена Льва Ефимовича, говорила:

– Валечка, посиди немножко, сейчас придет Лева.

Вот Лев Ефимович пришел и тотчас же разобрался во всех вопросах: такое-то постановление, такие-то решения – и все стало ясно.

Я тоже обратился к нему, когда у меня возникли проблемы со здоровьем.

Сегодня Лев Ефимович подошел ко мне и спросил:

– Как дела, Сережа?

– Лучше, хотя бывает еще всякое, но уже не то, что было. Вы здорово помогли мне, Лев Ефимович.

– Очень хорошо, великолепно!

К нам подошел Георгий Петрович и сказал:

– Лев Ефимович, ты сделал чудо! А не мог бы ты подсказать? Вот после моего падения на льду пошумливает что-то иногда в голове.

– Прекрасно, замечательно! – кивнув мне, сказал Лев Ефимович, и они с Георгием Петровичем отошли в сторону.

Да, подумал я, замечательно; Алла Марковна продолжала сидеть со своей непонятной улыбкой. Мне было почти хорошо; сегодня воскресенье, а завтра понедельник, и мне не идти на работу, я отпускник.

2

Давным-давно, в один из первых мартовских дней, мы с начальником сектора Лыковой шли по коридору, и она радостно говорила, что все будет в порядке, что есть машина для вычисления нужных параметров, и все здесь замечательно, и если я захочу сделать работу – тут она со значением посмотрела на меня, – то сделаем. И мое настроение было прекрасным. Мы пришли в комнату, где располагался сектор, и я стал потихоньку знакомиться с сотрудниками; первым ко мне подошел Батурин. Он был лет на двадцать старше меня, одет в светлый костюм; должность – ведущий инженер, руководитель группы. Он положил руку на серый прямоугольник с клавишами, лежавший на столе.

– Ну вот, вычислительная машина. Знаешь, Сережа, я просто рад, что у нас есть такое вычислительное средство. У нее память двести пятьдесят шесть кубиков, и туда мы помещаем наши программы.

– Отлично, – сказал я.

– Сейчас я покажу тебе одну программу.

И мы стали разбираться; как только я немножко понял, что это такое, Батурин сказал:

– А вот наши сотрудники, – и представил меня Вале и Володе. Мы обрадованно улыбались.

– И вот сейчас к нам подойдет ведущий инженер Горбовский. Мы должны получить от него всю информацию по изделию.

Горбовский был небольшой, седой, и на носу его, на самом кончике, было несколько длинных волосинок, они все время требовали внимания. Смотришь на него, а глаза постоянно соскальзывают на волосинки; так в конце концов и завершился первый день.

Вечером я вышел из института и направился к метро, минут десять идти пешком, пересечь улицу Солянку, и вот площадь, где люди поднимаются или спускаются к подъезжающим поездам. Я обернулся и посмотрел назад, дорога к институту шла наверх; если идти на работу рано утром, ты как будто штурмуешь этот путь.

Дома был Георгий Петрович.

– Ну, как дела? – спросил он.

– Ничего. Начал разбираться.

– Когда ты работаешь, надо знаешь как? Делай как будто бы все, что только начальство ни прикажет. Но совсем все делать нельзя. – На лице его появилась улыбка. – Понимаешь? Надо, чтобы что-то как бы не совсем было сделано. Как бы игра была. Но чтобы нельзя было тебя ухватить. Понимаешь?

– Да, – сказал я, – понимаю.

3

Нашей тематикой занимались военные; прочитав их книги, я понял, что путь расчета, который предлагает их институт, неправильный.

– Владимир Михайлович (так звали Батурина), – сказал я, – по-моему, их теория ошибочна.

– Ты знаешь, мы уже думали об этом, но как тут быть, не знаем. Их институт является головным по нашей тематике. Может, лучше сидеть спокойно и делать по их методике?

Я обратился к Лыковой, высказал ей свои сомнения.

– А рассчитывать надо как? Берем объект и смотрим: если он мал – то делаем приближение как к малым объектам. А когда он велик – то рассматриваем его как полубесконечный.

– Да-да, – сказала Лыкова. – Здесь что-то есть. Попробуй, Сережа.

– Хорошо.

Я сидел пару дней и нашел приближенные решения для малого и большого объектов; что порадовало, так это то, что результаты для большого объекта не стремились бесконечно расти, а приближались к некоему пределу.

И мы стали вычислять по новому методу.

В начале осени в Ленинграде проходила встреча разработчиков по нашей тематике, и Лыкова, собираясь на нее, взяла меня. Батурин некоторое время был обижен: он все-таки являлся руководителем группы, но что же тут сделаешь? Я написал статью по методам вычислений, и повезли ее на конференцию.

Конференция проходила в большом и серьезном НИИ. Собралась масса гражданского и военного народа; военные, чтобы не привлекать ничьего внимания на подходе к НИИ, были одеты в гражданское. Тут оказались Пудов и Картанов – представители головного института; Пудов был маленький, уже в годах, полковник, лицо рябое, а Картанов – большой и красивый, капитан, автор тех теорий, что заставили нас задуматься. Тут было множество людей из гражданских институтов; со всеми Лыкова была накоротке – смеялась и перебрасывалась шутками.

Я сдал статью, но слова мне никто не предлагал; выступали Пудов, Картанов и другие солидные сотрудники. Лыкова выступила с большим докладом по своей тематике, в другом помещении; она занималась несколько иными, родственными, делами, а мы с Батуриным были в ее секторе.

И вот конференция закончена, мы едем домой, в Москву.

4

Я поднимаюсь по улочкам, ведущим к нашему институту предзимний воздух вливается в мои легкие. Я подхожу к длинному зданию в семь пятьдесят восемь; если я опоздаю на пять минут, то меня ждет испытание. Одна из старых женщин, сидящих за стеклянными окошками, заставит писать объяснительную записку, и далее эта записка пойдет по всем верхам. Начальник сектора проведет с тобой беседу; на первый раз это все. Если же опоздаешь во второй раз – тебя лишат квартальной премии; квартальная премия равна твоему окладу. Поэтому никто никогда не опаздывает; если уж случилось опоздание, ты должен остановиться, звонить своему начальнику сектора и дальше ходить вокруг да около института час или два. И уже после хождения подходить к старым женщинам с выражением спокойной уверенности на лице.

Я не люблю этого и поэтому никогда не опаздываю. Слава богу, весь мой путь от дома до работы занимает пятьдесят минут; если я отправился ровно в семь – значит, все будет в порядке.

Жизнь стала весьма трудной: постоянная, непрекращающаяся стирка пеленок. Инна нездорова, двигается с трудом. Плакала от страха в первый день, когда привезли ребенка, это было вечером; тревога и страх: ей казалось, что малышка такая маленькая и мы не сбережем ее. Дали Инне валерьянки; ночью вскакивает и то приподнимает ворох одежды, то ощупывает меня, то с тревогой показывает на люстру или в окно, везде ей мерещится ребенок. Встаю к малышке я, она орет, писает и какает в руках, пеленаю; утром адский подъем, вечером – снова пеленки, кормление. Все эти дни – ни минуты отдыха; один день (перед приездом Инны из роддома) я чуть не плакал. Уборка, которой не видно конца, – я сидел как неживой. Георгий Петрович потом спросил:

– Ну как, отошел?

– Немного, – ответил я.

Вспоминаем прежнюю жизнь, когда единственной заботой вечером было приготовить ужин, смотреть телевизор, и думаем: вот они, детки! Неужели теперь так будет все время? Инна еле ходит, сутулится, как старуха; я думаю: господи боже мой, зачем все это – так называемая любовь, после чего женщина так страдает, чтобы родить существо, которое потом отнимет и личную жизнь, и покой.

Прошло три месяца, и, приходя домой, я вижу, что пеленки не стираны, питание для ребенка не сварено; мне неудобно говорить, но часто кажется, что жена плохо относится к своим обязанностям. Я молчу, начинаю стирать; Инна же считает, что целый день она возится со всем этим и после работы я должен прийти и все взять в свои руки. Но это, в сущности, ее забота – ребенок, и она должна как мать и женщина стараться сделать максимум, чтобы вечером оба отдохнули, но часто оказывается: читала книгу – и полный таз пеленок.

Малышка подросла, богатая и смешная мимика: недоумение, обида, лукавство, обалдение (перед цветастым ковром), а вот и улыбка. И крик, от которого лопаются все вокруг, и в первую очередь – она, когда вечером относим ее на кроватку; страшно не любит спать, обожает общество, собирающееся около нее.

Аннушка чрезвычайно похожа на меня, те же привычки: трет глаза руками; не может долго терпеть, будучи голодной; голову кладет сбоку от подушки. Уши, голова, нос, рот – все мое; очень походит на меня на фотографии, где я стою, совсем еще маленький, с велосипедом, у виноградников. Впервые она играла с погремушкой – стучала по ней лапкой в варежке; долго гремела, как ручной медвежонок или обезьянка.

Я поднялся с трудом, утро было еще темное, шел снег. Светящийся аквариум киоска «Союзпечати», в котором плавали разноцветные рыбы журналов и главная рыба, царь-рыба – продавщица. Я дал ей монетку и попросил «Московскую правду»; она бросила мне газету

и стала перебирать, ворошить мелочь. Но я ждал, и она сердито положила (шлепнула) мне монетку сдачи; палец у нее был обмотан черной изолентой, им она раслаивала кипы.

5

Как-то раз Инна, во время разговора с сестрой Марией, сказала, чтобы та не ходила в университет на дискотеку: там все иногородние.

– Я не собираюсь еще твоего мужа на шею сажать. И так камень висит. Ребенок свой да плюс еще один подарок.

Говорила она как будто в шутку, но прорывалось раздражение.

– Ходи в МАИ, там все москвичи.

Они принялись опять, в том же якобы шутливым тоне, говорить, чтобы я познакомил Марию с приличным молодым человеком, начали прикидывать своих знакомых, оказалось, что ничего подходящего нет.

– Найдите мне, родственники, жениха! – говорила Мария. – Где, где мужчины?!

– Мужчины в метро сидят, читают и не уступают места, – сказала Инна. – Поэтому они ничего не видят и не женятся.

– Но у тебя же на работе полно офицеров.

– Они или маленькие, или старые холостяки. А выходить замуж за старого холостяка – только не это. Ведь у него установившиеся с годами привычки, он будет требовать уважения к себе. И будет считать, что осчастливил тебя. И будет ревновать – не ходи туда, не ходи сюда. Нет, что угодно, только не за старого холостяка.

– Ну, потом можно развестись.

– С ребенком на руках?

– Но что же мне делать? – с комичным выражением говорила Мария.

– Иди в МАИ. Иди в метро, стой и останавливай всех: москвич – не москвич?

– Шутки шутками, а ведь уже и в МГУ ездить сил нет. В прошлом году еще хватало терпения. А теперь как подумаешь – зима. Поздно возвращаться. Метель!

Мы смеемся, потому что Мария строит смешные гримасы.

– Узбеки! В университете одни узбеки, грузины.

– Это уже твое амплуа. Ездить в университет, чтобы познакомиться с узбеком и с ним весь вечер провести.

– Почему там одни узбеки? Там есть москвичи? Сережа, там бывают москвичи?

Я немного простужен и потому сижу в дальнем углу.

– По-моему очень мало. Москвички ходят, а они – нет. У них какая-то своя кухня, они рано женятся и как-то варятся в собственном соку.

– Они нарасхват с пеленок, – сказала Инна. – А между прочим, москвичи – это такое... У кого ни спрашиваю – уроды самые настоящие.

– Я пойду в «Метелицу».

– Куда?! Там нет мужчин. Одни женщины сидят и пьют коктейль. Зачем туда идти мужчине – пить за три рубля коктейль? А студент – у него нет денег.

– Да, проблема, – сказал я. Мне было немного неловко и в то же время забавно; жаль Марию, и одновременно я помнил, что иногда не люблю ее. В иной раз она бывает очень милой, как будто хорошей. Такое же чувство к ней у Инны: Инна любит ее, но иногда ненавидит. Мария лежала на диване, она не завтракала и не обедала сегодня; она вот сейчас была красива, привлекательна, в полосатой кофточке, и отросшие волосы заколоты за ушами, смуглое гладкое лицо, черные глаза. Она пошла на кухню, принесла тарелку с едой и стала есть.

– Москвички некоторые специально едут в университет, – продолжал я. – А многие студенты хотят познакомиться с москвичкой, но так у них ничего и не получается. А женщинам, конечно, еще трудней.

– Да, даже тебе, пожалуй, проще найти хорошую девочку, чем мальчика, – сказала Инна. – Кого бы ты легче нашел?

– Конечно, девочку.

Я рассказал, как пытался познакомить Лешу Старкова с Марией, но ничего не получилось; он ходил в гости к Вале, а та была к нему равнодушна. А парень хороший, поступил в аспирантуру.

– Короче говоря, – сказала Инна, – в этом году ты должна познакомиться. С москвичом, приличным мальчиком, с квартирой. На нашу жилплощадь не рассчитывай. Если приведешь иногороднего – мы вас пропишем, но вы будете снимать квартиру.

– В этом году ничего не получится, – сказала Мария. – Этот год високосный. И я со всеми разругиваюсь.

Она встала и медленно пошла прочь; Инна с ненавистью остановила ее.

– Тарелку!

– Что? – спросила Мария, но вернулась и унесла с собой тарелку, потом долго возилась на кухне. Я пришел – грязная сковородка лежала в раковине, а мне надо было готовить купание для Анны.

– А сковорода?

– Она не моется, отмокает.

Я вымыл сковородку, а там уже Инна ругалась с Марией (она обнаружила вторую грязную сковороду).

– Я пятнадцать лет тебя кормила, ты хоть бы раз помогла! Ты живешь как в гостинице!

Действительно, иногда, посматривая на Марию, и Георгий Петрович в сердцах скажет:

– Слушай, да что такое, глядя на тебя, и все настроение портится!

И отдает приказ:

– К первому числу даю тебе задание – постирать и выгладить мои рубашки!

Подходит первое число, Мария срочно бросается выполнять указание. На кухне выставлена стиральная машина, я помогаю пропустить белье через выжималку, и вот Мария гладит еще влажноватые рубашки.

6

Мы помыли Анечку, я лег спать, выпив аспирин и сульфадимезин. Инна читала. Мне казалось, что следует выключить свет, так как Анна может проснуться, но я ничего не сказал, пусть читает. Ночью Анечка кричала, Инна вставала, потом попросила меня заняться. Было два часа, я встал и подумал, что если я буду теперь заниматься Аннушкой, то завтра опять вырублюсь и заболею. Я был в поту; Анна орала, я постоял и лег. Инна еще раз встала, поулюлюкала, и малышка затихла. В шесть часов я встал, самочувствие было хорошее. Аспири́н?

Зима, снег, автобус с затхлым гриппозным запахом. Солянка, люди, спешащие на работу, киоск, газета, проходная. Утром сижу за столом, и глаза слипаются.

Вечером мне опять хуже, начинается кашель. Дома меня перехватывает Георгий Петрович.

– Сережа, да ты заболеваешь! У нас есть хорошее средство – банки. Давай после ужина ложись в кровать, я тебе поставлю.

Я поужинал и лег в постель.

Георгий Петрович позвонил где-то в коридоре наверху и пришел с картонной коробкой, быстро поставил мне банки и сказал:

– Ну вот, теперь минут через десять я зайду.

– Хорошо.

Я лежу, банки сначала переносятся спокойно, затем становится все больнее, потом я как-то приспособливаюсь, уже как будто ничего. Георгий Петрович ходит где-то в квартире; еще какое-то время проходит, и я решаю обратить на себя внимание. Когда Георгий Петрович проходит мимо нашей комнаты, я слегка постанываю.

– А, Сергей! Я и забыл про тебя! Сколько времени прошло? Господи!

Он начинает снимать банки.

– Господи! Еще немного, чуть-чуть, и мы тебя прожгли бы насквозь!

– Да нет, не очень больно, – говорю я.

– Ну слава богу!

Георгий Петрович складывает банки в коробку, и краем глаза я замечаю там пробирку и вспоминаю историю, как эта пробирка помогла нам. Когда-то, сразу же после свадьбы, у нас с Инной ничего не получалось; сопротивление оказалось слишком сильным. Мы пытались сделать и так и этак, но все было бесполезным; тогда Инна сказала:

– Я где-то читала, нужно помочь. Иди по коридору, поднимись, там лежит коробка с банками, а среди них – пробирка. Принеси ее.

Я выполнил все в точности, но Инна возразила:

– Она холодная, пойд и нагрей ее на огне.

Я сделал это, а когда шел к Инне, навстречу попался Георгий Петрович.

– Ну как, что? Что-то случилось?

– Нет, все в порядке, – сказал я, пряча одной рукой пробирку.

– А, ну хорошо, но если что-то случилось...

– Нет, все нормально.

Я пошел в нашу комнату, Инна взяла пробирку и, лежа в постели, укрывшись, начала двигать рукой.

– Ох уж эта ваша половая жизнь!

Но после этого – о радость! – все получилось!

В то время я был студентом последнего курса; я поехал в университет, была уже зима, и мир казался мне дружелюбным.

7

Приближаются праздники – Седьмое ноября, а мне необходимо ехать, искать капусту. Инна заквашивает ее в белом ведре, процедура длится три дня, каждый день капуста освобождается от гнета (Георгий Петрович придумал – на вертикально установленную палочку надевается веревка). Затем содержимое ведра многократно протыкается длинной палочкой, это надо проделывать в закрытой кухне, но и оттуда запах просачивается во все комнаты. Только когда шипение капусты прекращается, возобновляется гнет, то есть устанавливается палочка; на третий день капуста готова, очень вкусна и переносится в холодильник.

Утро. Холодрыга! Суббота (после пятницы, то есть дня усталости); не хочется заниматься этим делом. Но ничего, еду, на ближайшей станции метро капусты мало – по два кочана в руки. Еду в ближайший универсам; сначала захожу внутрь, но это надо делать снаружи. Подкатывают тележки, половина капусты разбита; ждущий народ моментально разбирает хорошую, потом долго роется в плохой, и продавщица не подвозит новую партию. По ложке в час. Холодно. Кругом голо, серые панельные громадины домов, машины частные. Старичок: «Кинь камень – и попадешь в машину торгаша. Семьдесят пять процентов машин – у торговли». Замерзаю, дрожу; ну и жизнь, думается. В универсаме толпы народу, сумрачно, покупатели из очереди лопатами подгребают мусор, чистят, сами подвозят очередные тележки. Энергичный крупный человек атлетического сложения, в кроссовках, спортивных штанах, куртке, на голове – шапочка; работает лопатой, улыбается. Вот, думаю, пример современного интеллигента-молодца; и я стараюсь настроиться на оптимистический лад, посмотреть юмористически. Наконец – очередь; спортивный интеллигент-оптимист сноровисто набивает два мешка капусты. Мешками нагребает молодая пара – женщина в очках, чрезвычайно интеллигентного и приятного вида, муж ее, парень крепкий и симпатичный, немного дородный. Еще в очереди – девушка в джинсах, с пуделем; передо мною пара колхозного вида набирает три мешка. Я наполняю сетки – шесть кочанов. «Рубль пятьдесят», – говорит продавщица. Чувствую: не может быть здесь двадцать пять килограммов, но мне стыдно усомниться в честности продавщицы, я наверняка знаю, что она надувает меня нагло, отлично поняв по моему виду мою психологию. Холодно, замаялся совершенно; все, и я в том числе, внутренне заискиваем перед продавщицей, хотя та ведет себя не лучшим образом. Еду домой в набитом автобусе; дома (может, не надо, мелькнула мысль) взвешиваем с Инной, оказывается, меня обманули более чем в два раза. Всю дорогу я об этом думал, и тяжелое, неприятное чувство было; и теперь, только что Инна говорит единственное ироничное словцо, я взрываюсь.

– Почему тебя всегда обманывают? Надо быть взрослее.

– Бог мой, откуда я мог определить, сколько там?! Сама покупай! Мне эта капуста совершенно ни к чему!

– Да! Тогда иди и гуляй. Совсем иди!

– С удовольствием! – говорю я, продолжая сидеть с жутким чувством ненависти ко всему.

– Разве так можно? – слезы. – Ты пришел, тебя обманули, ты виноват и начинаешь орать на жену. Ты совсем потерял совесть!

– У тебя ее никогда не было! Попробуй когда-нибудь прийти из магазина и пожаловаться, что ты обманута!

– Меня не обманывают в два раза!

Я одеваюсь и иду покупать кисть для крашения стен. Муторно до безобразия, до умопомрачения, я чувствую себя непригодным к жизни дурачком-интеллигентом, которого можно нагло, в глаза надуть. Надо было спросить у продавщицы, какой вес, и учесть эту негодяйку.

Суббота все такая же сумрачная и холодная; надо покупать кисть и красить стены. Дни уходят, улетают; боже, что за жизнь! Как бездарно, в бесконечной хозяйственной толчее про-

ходят суббота, воскресенье; как я ненавижу выходные! Все: весь мир, вся жизнь – воспринимается как нечто ужасное, нелепое, тюрьма души; душевная боль, самая настоящая, как будто душу давят, гнут, выкручивают.

А потом все прошло.

8

Но мне еще надо путешествовать в прачечную. Опять наступает воскресенье, день тихо плывет, и вот он преломился, и мне как-то грустно – завтра идти на работу. А сейчас еще какие-то минуты свободы. Но надо собираться и ехать. Огромная сумка собрана и ждет тебя у выхода, в ней – белье для стирки, я должен отвезти это. На наволочках, простынях – бирки, пришитые женой; я сдам это в прачечную и получу чистое белье, сданное в прошлый раз. А прачечная расположена в Москве, далеко от нас. Вот уже и вечер начинается, темнеет.

Я собираюсь и выхожу на улицу. Автобус можно ждать долго; не каждый подойдет для моей поездки, а только один, который идет до следующей станции метро.

Наконец автобус прибыл; уже и фары включены.

Прачечная. Очередь. У стенок на стульях с торбами белья сидят люди.

Входит гражданин в сером пальто, высокий, сутулый, в шляпе, лицо темное и маленькое, худое. Тощий. Вопросительный знак. Он останавливается посередине холла и, в упор глядя на ожидающих, начинает декламировать:

...Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку...

Пауза.

– Что смотрите, жители? Вы должны мне рупо... рупоп... рукоплескать! Ру-ко-плес-кать!
Это Есенин!

– Выпил, так иди себе, – бормочет толстый мужчина.

– Ты! Гусь! А ну иди сюда! Я тебя одной... Ну, левой не гарантирую, но правой... натяну!

Толстый крупный мужчина молчит, женщины посмеиваются в сторонку.

Сутулый еще раз читает стихи, поворачивается и уходит.

– Выпил, так иди себе, – говорит мужчина. – Выпил ведь для своего удовольствия, не для других. Так и надо держать в себе свои красоты.

9

Через год, в конце осени, я нахожу в почтовом ящике квитанцию: перевод на восемнадцать рублей восемьдесят две копейки. Вечером, после работы, я иду на почту и получаю деньги; внимательно прочитав, понимаю: это платеж из солидного издания, оплата за мою статью, которую опубликовал этот журнал. Я радуюсь – вот ведь, опубликовали! – итак, истина, мысль все-таки пробивает дорогу. Я помню, как был пессимистически настроен насчет этой статьи и своего научного будущего; в журнал этот, говорила Лыкова, пробиться трудно. Свой круг. Они за все годы пробиться не могли; она, впрочем, воспринимает, опять же, все со своей специфической точки зрения (езде кланы, мафия). А вот – вышли две мои статьи в министерском журнале, и будет статья в центральном; нет, не безнадежна жизнь, и не безнадежно стремление человека вверх (в хорошем смысле слова)!

Ведь это – надежда. Я снова мысленно просматриваю статью, и верно: ведь это похоже на... диссертацию!

И действительно, на работе выясняется, что журнал вышел посвященным конференции; Лыкова поздравляет меня.

– Вот, Сергей, правильно, так держать!

И после еще один момент. Некоторое время назад к нам заехали Пудов и Картанов, Лыкова и Батурич окружили их, принесли чаю, конфет. Я оставался несколько в стороне, меня не звали. Лыкова что-то возбужденно и со смехом рассказывала, Батурич тоже не оставался в стороне, время от времени подключался к разговору. Перед ними на столе лежал тот центральный журнал, и внезапно Пудов сказал:

– Вот, вот материал! – И стал сотрясать журналом, было видно: что-то ему очень понравилось.

Я увидел, что журнал открыт на странице с моей статьей. Возникло легкое замешательство; Лыкова, Батурич и Картанов замолчали. Я тоже молчал; непонятно было, знает ли Пудов о том, что автор статьи сидит чуть в отдалении от них.

Я рассказал о своей работе Георгию Петровичу, и тот сразу все понял и сказал:

– Да, это здорово. Ну, желаю тебе успехов!

10

Это был февраль, и потому теплый ясный вечер особенно приятен. Я купил хорошей колбасы, хорошего масла и шел домой по Чернышевского – Хмельницкого. Я чувствовал стыд оттого, что я – бумажный работник, не производящий ничего материального; и в то же время радость: вот сегодня удалось купить колбасы, масла, и в общем-то в ближайшем будущем, видимо, будет примерно то же, я еще смогу покупать хорошую колбасу и масло. И я оправдывал себя: раз государство платит мне деньги и продает на них вещественные продукты, значит, я нужен; ведь всегда были люди, которые не создавали вещественных продуктов и все-таки жили, и существовали, как правило, лучше тех, других. Я зашел в «Концентраты» и купил отличные импортные яблоки, настроение еще больше поднялось. Мне было даже стыдно за то, что я могу так радоваться колбасе, маслу и яблокам; дело в том, что все было отличного качества, и не каждый день удается сделать такую покупку, я с гордостью шел домой, как удачливый добытчик.

Как-то я решился заговорить с Лыковой об аспирантуре. Стол ее стоит недалеко от окна, развернут, чтобы видеть всех. Я подошел и, видимо, переминался с ноги на ногу; заговорил об аспирантуре. Лыкова сказала:

– Об аспирантуре не волнуйся. Только через три года. Потом нужно восемьдесят процентов материала. А у тебя я пока не вижу.

– Но результатов же много, – сказал я, чувствуя, как медленно на меня наползает страх.

– Извини, Сережа, мне надо бежать.

– Но я вас как будто не очень задержал, – чувствуя себя оскорбленным, обманутым, сказал я.

Я ехал домой с тяжелым чувством; стало ясно, что диссертация, защита – все это не так просто, что это потребует многих лет, что нужно будет делать совсем не то, что нравилось и получалось, а какой-то другой труд, представлявшийся огромным и противным. Из меня вытянут все жилы, прежде чем дадут эту бумагу, и все может рухнуть, такие случаи бывают. Я увидел себя сорокалетним инженером с окладом сто пятьдесят, позади – творческая часть жизни, впереди – ничего. Приехал домой в безобразном состоянии, смертная тоска; весь вечер пролежал на кровати, временами задремывал в лихорадочном сне, просыпался, и хотелось плакать.

Что такое диссертация? Сто-двести страниц, отпечатанных на машинке и сброшюрованных. И все? Нет, она – прямое выражение неких высших сил; соискатель, защитивший диссертацию, сам становится носителем этих внешних сил. Скажем, минимальный оклад, которого достоин такой человек, – энное число; это на треть выше, чем зарплата Батурина – ведущего инженера, руководителя группы. И вот почему все становятся молчаливы, когда речь заходит о диссертации.

Или возьмем дальше. Может ли ведущий инженер рассчитывать на некое стабильное благополучие, на то, что его должность как-то гарантирует его положение? Нет. В любой момент его может ждать крах его должности. Правда, существует множество зацепок, если он решит сопротивляться, поднять крик; и все же его должность целиком зависит от неких сил, которые никогда не дремлют. И они – рядом.

А кандидат наук – это звание уже не зависит от тех, кто здесь. Или доктор; это закреплено книжкой с указанием научного звания и подкреплено значительной ссылкой – высшая аттестационная комиссия. ВАК! Вот и все; теперь обладатель этого звания может вздохнуть спокойно и приниматься за последующие научные труды.

Диссертация – это труд, сделанный навечно. Бывает ли такое? Да, случается; и теперь, после защиты, диссертанту гарантирован определенный уровень заработка, и весьма немаленький.

Я заговорил с Инной, рассказал ей свои неясные подозрения о том, что Лыкова чего-то ждет; и сразу моя концепция передалась ей, Инна тоже стала сумрачной. Вскоре мы собирались отмечать мой день рождения.

– Пригласи Лыкову, – сказала Инна.

И я задался целью пригласить.

Целый день Лыкову не получалось уловить, это меня бесило, было стыдно. Вечером заскочила на минутку только – здесь и сразу опять – к начальству. Я решил схитрить – простоять на втором этаже и вернуться (подождать, пока уйдут мужички). Пошел, переждал время; вернулся, а они здесь! Стал рыться в столе, чувствуя себя идиотом и проклиная их (а они пили). Ушли, но ведь поняли, конечно. Ждал Лыкову полчаса, чувствуя себя по-идиотски. Нет! Не появляется. Шел домой в ужасном состоянии, казалось, что потерял единственную возможность, теперь станет еще хуже. Как же быть? Что-то подарить Лыковой? Кошмар! Инна спросила:

– Ну как?

– Нет.

– Эх ты!

Хотел закричать ей: «Не смей меня подгонять! Не смей заставляя меня лезть!»

Инна ушла, слезы. Мне стало страшно; неужели и она чувствует, что все для нас кончено?

– Почему плачешь?

– Ты невозможен. Почему приходишь в таком плохом настроении, слова не скажешь? Разве кто-нибудь из нас так себя ведет? Ты никого не любишь, все тебя раздражают.

11

День рождения. Были Валя и Валера. Но я был напряжен, грустен где-то глубоко внутри (ах, если бы Лыкову удалось пригласить!). И с напряжением относился к Вале и Валере; я чувствовал, что они не ровня мне, нам. Валя защитилась, Валера зарабатывает большие деньги, думают о даче, о машине. Раньше, в студенческие времена, такого не было. Хоть тяжелы они, эти годы, но нет в них этого сволочизма; хотя некоторые начинают чувствовать все это уже тогда и тотчас лезут. У меня этого в те времена не было, и я думал, что они должны посматривать наоборот: слегка приятно сознавая то, что им удалось стать чуть повыше. Когда провожал, мне было тоскливо; зима, снег, они в шубах.

– Как успехи в работе? – спросил Валера.

– Все в порядке. Попал в новую область. Впрочем, у нас все области новые. – Но мой тон был такой, что я не верю в успех.

Валя показалась мне в этот раз красивой: длинные темные вьющиеся волосы. А Инна сказала, что она ей понравилась меньше.

... Сейчас вижу – концепций много; все они имеют какую-то истинность, но не абсолютную. Отошел кошмар. Вижу, что Лыкова – хороший человек, есть и недостатки, но кто без них? И что даже, наоборот, у Лыковой – бескорыстность; почему же мне показалось непонятно что?

Я познакомился с женщиной из группы Лыковой; фамилия – Кубацкая, ей за сорок; она маленькая и полная. Я мысленно называю ее Ку – буквой Q из латинского алфавита; она остановила меня возле входа в помещение сектора и сказала негромко:

– Я слышала, как вы говорили с Лыковой. Ты хочешь делать диссертацию?

– Да.

– А ты партийный?

– Нет.

– Это плохо. И потом, вот ты пишешь статьи. А ее не ставишь в соавторы.

– Но я же делаю статьи абсолютно сам. И тематика Лыковой другая.

– Но она метит на докторскую. И ей бы твои статьи были бы очень кстати... Совмещаются ее методика и твоя.

Я не нашелся что сказать. А тут откуда-то вынырнула Лыкова и быстро прошла в сектор; мы с Кубацкой замолчали и смотрели на нее.

Я после этого думал о своей беспартийности. Ведь я делаю то, что нужно в моей тематике, и, думаю, этого вполне достаточно. А о соавторстве... Что ж, можно попробовать; буду писать по три статьи и в одну из них вставлять ее фамилию; поблагодарить за дельные замечания.

12

Вчера сдавал кандидатский экзамен по философии. Опять это издевательство над личностью – дрожащая моя рука, берущая билет. Что толкнуло меня под руку, я не знаю, беру два билета; Форман (экзаменатор) замечает, показывает мне кулак. Вопрос первый списываю из словаря (Аристотель). Ответ. Лебезю перед экзаменатором (налаживаю человеческий контакт). Списывал, трясась от страха; кончено; усталость ужасающая. Поехал на работу (день рождения Лыковой). Компания. Зашел давний ее знакомый – Мкртчан; он женится, разговор вокруг этого. Шуточки.

– Вот кончится медовый месяц...

– А как узнать, что он кончился?

– Когда с фингалом придет.

– Вот когда-то он просунул голову в дырку в трафарете голого мужчины (с листиком).

Это было да.

– Трафарет?

– Да. Но дырка не для листика, а для головы.

Потом рассказывали о празднестве каком-то, тощий и длинный изображал Римскую волчицу, встал на четвереньки в пиджаке, оттуда вывалилась рукавица с водой. Двое (и Мкртчан) припали к ней.

Мкртчан:

– Это было непрерывное действие.

Они шутили, смеялись. Я ясно представил это веселье; с одной стороны, молодцы, а с другой – все это сублимация, и в этом какая-то тоска.

Тут же у Лыковой на столе зазвонил телефон, она, смеясь, подняла трубку.

– Да. Ах, Владимир Сергеевич! Я сейчас же бегу! Нет, тут у нас своя компания.

Она вскочила и побежала к двери: это Гарков звонил, наш вышестоящий начальник. Иногда я встречаю его спускающимся по лестнице, идет он очень неторопливо. Я говорю:

– Здравствуйте.

Никакого ответа.

Так же с директором института: его все боятся. Он не отвечает на приветствия; раза два столкнувшись и поздоровавшись, я перестал это делать. Он просто не видит тебя.

Вспомнил, как недавно мы – я и Горбовский – были в туалете. Туалет у нас большой и красивый, находится на втором этаже здания; мы с Горбовским зашли и встали, как положено, у писсуаров. И в этот же миг вошел Гарков, встал рядом с нами. Когда мы закончили, то подошли к умывальникам и стали мыть руки; Гарков прошел мимо и вышел в дверь.

– Вот так, – сказал Горбовский. – Некоторые не умывают руки после этого. Видимо, утром моют хорошенько это дело, и на этом все.

– Точно, – сказал я.

13

С Форманом дела еще не окончились, он приглашал нас к себе – отметить окончание курса; в выходные дни поехали к нему. Купили, естественно, водки и вина. Потом Игорь Козлов – старший, как бы начальник курса – сходил и принес еще. С нами была девушка – тоже окончила курс; Форман после принесенного вина стал было танцевать с ней; она ушла. Мы почувствовали себя более свободно. В результате, когда я вышел, шел, не шатаюсь, но где-то близко к этому; пересадку делал на Курском вокзале. И тут вспомнил, как мы с мамой и сестрой Верой уезжали с Курского проезде из города С. в Краснодар, года четыре назад. Я, Вера и мама – около «Шоколадницы»; мама в ужасных серых босоножках, в кафе идти нам с ней было стыдно. Я не мог найти столовую, не знаю города – студент, учащийся в Москве; подергался туда-сюда – нет вывесок с надписью «Столовая».

Вера смеялась: «Сережка не знает Москвы». Пришлось поздно вечером поехать в забегаловке Курского вокзала. Ночью уезжали в Краснодар. Тополя, крыши; я проезжаю мимо районов, где живет Игорь – мой друг.

И вот еще к воспоминаниям о Формане, его курс по философии что-то имел в себе; вот что я написал в тетрадке, готовившейся стать рефератом:

«Жизнь – это и есть иллюзия. Мы живем, дышим полной грудью, только когда находимся во власти иллюзий; каждый, вспоминая свою жизнь, может подтвердить: самые лучшие дни в его жизни – это когда были какие-то иллюзии. Итак, с одной стороны, все наши представления, стремления – иллюзии, в смехотворности которых мы убеждаемся с возрастом; с другой – эти иллюзии и есть наша жизнь. Жизнь – иллюзия; иллюзия – жизнь. Значит, то и другое тождественно».

Но потом я это выбросил.

Современная жизнь – это большой неустроенный город, сильно грязный и перекопанный. Битком набитый транспорт с затхлым и гриппозным воздухом; все нервные до предела. В транспорте не принято громко говорить (переговариваться), кричать. С точки зрения женщин, мужчины неинтересные, скучные, убитые; романы, флирт – это что-то архаическое, из стародавних времен. Каждый день два-три часа трясешься в транспорте; на работе работы нет, никто не работает и (поэтому) денег получает мало. В магазинах нет хороших товаров, плохо с продуктами питания. Живут в маленьких квартирках по многу людей – не одна семья, несколько поколений; дрызги домашние, вражда, желание разъехаться. Вся домашнюю работу, в том числе черную, приходится делать самим: стирать, мыть квартиру, готовить, солить капусту. Сами растим детей, кормим их и убираем за ними. В этом отличие от прошлого, когда привилегированные классы жили «духовной жизнью», а низы тяжело работали на них, делали все черное. Есть, конечно, какие-то и верхи, элита, те, которые около верхнего эшелона управления; они больше всего боятся этой нашей непривилегированной жизни и всеми правдами и неправдами цепляются за свои места. Они создают круговую оборону, поруку, проникнуть в которую – нужны особые качества: напористость, ум, цепкость, точность, беспринципность. Из желания удержаться наверху проистекает ложь начальникам высшим. Сами высшие начальники также боятся жизни; им кажется, что они у кормила и за одно то, что еще не разваливается страна, достойны почитания, являются историческими личностями. Общество наше, конечно, закрытое, и лучше не касаться этих самых верхних эшелонов.

Что же делать простому горожанину, который ездит в транспорте и видит, что толпы людей растут, что продуктов меньше, они дорожают и он, будучи инженером со стажем, едва может прокормить двоих детей? Что-то поддерживает его, и почему-то все-таки он остается оптимистом, и улыбка мелькает, и шутки он говорит, и суетится, и на лыжах ходит, и деток на санках таскает в лес, и друзей на вечеринки зовет, и поддает.

14

Вчера дома была безобразнейшая и глупейшая история. Я лежал на тахте с Аннушкой. Подошла Мария, стала цокать языком, звать на руки малышку; я из-за своей нелюбви к Марии не хотел пускать Анечку. А Мария все цокала языком, малышка лезла к ней и плакала, а я держал ее и молчал. Подошла Инна, округлила глаза. Мария хочет показать, что Анна ее любит, это не всегда выходит у Марии, когда же получается, она довольна. Но малышка так или иначе поймет, что настоящая любовь заключается не в минутном качании на руках и поцокивании. Почему же я не хочу пускать ее и ревную?

Потом еще, если думать об Анне, вспоминается ее любовь к смешным сценам. Например, я читаю ей сказку «Красавица и чудовище»; этот ритуал исполняется нами ежевечерне. Дело в том, что есть там слово – «туалет», это, конечно, упоминание о предметах туалета. И вот мы читаем, при этом я зеваю: мне тоже уже пора идти спать; подходим к этому слову, и я вижу, что Аннушка затихла. Я читаю это слово: «туалет» – и раздается радостный смех.

– Ха-ха-ха!

Ну, вот и все; прочитано; можно идти спать.

Один раз, при чтении книжки о подводных жителях, я был неправ; беру в руки книгу, на развороте ее изображено морское животное. И я говорю:

– Мы прочитали сказку о тюленях.

И сейчас же Аннушка начинает протестовать:

– Зебра! Зебра!

– Аннушка, зебра – другой зверь, водится в Африке.

– Зебра!

– Аннушка, но папа лучше знает.

– Зебра!

Мы начинаем читать, и тут я вижу, что допустил небольшую ошибку.

– Ах, Аннушка, это, оказывается, не тюлень, это нерпа.

И тут же раздается радостное подтверждение:

– Нерба! Нерба!

Иной раз бывает, что я совсем уже сплю и прочитываю не то: например, вместо «тефелька» прочитаю «туфелька», после чего раздается неумный смех Аннушки. Как умудрилась туфелька попасть на тарелку?

Наконец Аннушка отпустила меня. Я иду спать и думаю: да, маленькая моя, мне приходится работать, чтобы прокормить всех нас. У меня нет денег, все заработанное мной кончается в момент следующей зарплаты. Есть какие-то люди, получающие деньги, на которые можно купить машину, квартиру. Я не из их числа. И второго ребенка мне не поднять. Что же делать?

15

Перенесемся в институт. Я заметил, что к нам часто заходит начальник аспирантуры; это улыбающийся всем человек по фамилии Горенко. Он проходит к Лыковой, и они начинают о чем-то шептаться, потом он уходит.

И вот однажды он подходит ко мне и, улыбаясь, говорит:

– Сергей, давай возьмем тебя в аспирантуру.

– Я не против. Но вы должны об этом сказать Лыковой.

– Да там все уже сказано.

– Замечательно.

Потом я думаю: все-таки взяли не через три года, а пораньше, наверное, не хватает людей, которые идут в аспирантуру. Что ж, срок аспирантуры – четыре года.

Когда он ушел, подходит Лыкова.

– Сережа, берем тебя в аспирантуру. Но всякие там поблажки у нас не работают. Директор наш считает, что защищаться нужно по совокупности трудов. И ты ведь знаешь, что научного совета у нас в институте нет. Это значит, надо искать совет. Я, конечно, буду всячески тебя поддерживать. Но я не могу быть твоим руководителем в совете.

Но я пока еще не понимаю, что все это значит.

– Ну, давай обсудим техническое задание минчанам.

Я был против того, чтобы давать им деньги: они ничего не делают. Лыкова: «Так заведено. Научные связи. Не нам ломать традиции». Ну что ж, пусть; деньги не мои; были бы мои, я бы им не дал.

Есть еще и другие люди, делающие для нас работу, – из того же Минска, но университетские; они тоже считают на больших ЭВМ. Но я обнаружил, что есть еще военные, которые работают на тех же больших ЭВМ, и у них уже имеется набор кривых, по которым можно оценивать результаты. В сущности, на деньги, выделенные нами, две организации будут получать решения, близкие к результатам военных.

16

Подходил Новый год, на который я возлагал надежды, почти мистически думал о нем: вот придет первое января, и станет все иначе, этот год будет совершенно особым. А пока надо было согласовывать технические задания, и я думал: то ли больше на себя брать, то ли меньше, то ли скорее выгодно мне сделать всю работу, то ли подольше тянуть все это. Чувствовалась усталость, и думалось, что с началом года она как по волшебству пройдет. А еще методика, в которой все же поставил свою фамилию последней, хотя всю ее разрабатывал сам. Волнения, страхи дошли до того, что однажды я думал: боже мой, уехать бы куда-нибудь, в тихий маленький город, одному и найти такую работу, чтобы не было начальников и никаких подчиненных и не надо было бы «бороться за место под солнцем». Как-то утром натошак выпил кофе, в метро образовалось взвинченное состояние, слабость, страх сердцебиения. Вечерами усталость, мрачные мысли обо всей этой кутерьме; и вдруг вздохнул слегка свободнее, когда стало ясно, что формально ответственный исполнитель НИР не я и не могу им быть, ибо я – инженер! Всего лишь! Что же будет дальше?! Я понял, что надо поспокойнее относиться ко всему, иначе дойдет бог знает до чего.

Как-то раз был разговор с Инной, и мы поняли, что в отношениях между людьми всюду устанавливается естественным путем, если так можно выразиться, презумпция недоверия, надувательства. Между женщиной и мужчиной, начальниками и подчиненными, сослуживцами и – более широко – коллективами, предприятиями. Нельзя быть слишком хорошим: партнером, начальником, сослуживцем, подчиненным и так далее; иначе сядут на голову. Из этого начинают в конце концов исходить все. Я сказал Инне: что-то такое говорил Георгий Петрович давным-давно; при упоминании Георгия Петровича Инна начинает обиженно дуться. Все мы заметили, что он часто пропадает допоздна. Однажды Инна спросила его:

– Папа, а ты где пропадаешь? Нам это непонятно!

И тут Георгий Петрович взвился; он стал кричать, что он взрослый человек и не позволит другим вмешиваться в свою жизнь.

Инна молчала, вся в слезах, я сидел, не зная, что делать. Несколько лет назад они похоронили маму, и Инна до сих пор вспоминает ее. Но что же теперь, Георгий Петрович не имеет права на личную жизнь?

17

На работе мимо меня идет Анна Гавриловна и останавливается.

– Ну что, Сережа, сделал что-нибудь новое?

После моего ответа она говорит:

– Но ведь то, что ты делаешь, – ерунда?

Я пожимаю плечами. Анна Гавриловна отходит. Я называю ее про себя «пиршество женского тела»; так она когда-то выразилась. «Современные мужчины никуда не годятся». Рассказывает страшные истории: взорвался телевизор; продавцы избili девушку, и она выбросилась из окна; мальчик, дурачась, повесился на шарфе. Главное же – это «современные мужчины никуда не годятся»; ей хотелось бы, чтобы мужчина был более активен, пусть даже не по отношению к ней. В себе она уже отчаялась; все беды женского одиночества проистекают от тупости, трусости, равнодушия, пустоты современных мужчин. Она ездит на курорт, оттуда приезжает загорелая, с обвисшей кожей. Всегда лезет в разговор и моментально начинает противоречить, спорить. О Батурине: «Подумаешь, какой-то ведущий инженер». Разговоры о Черноморском побережье Кавказа, там она действительно бывала и хорошо все знает. Любит поговорить о свойствах человеческой природы и вообще... немного философ. «Говорят, сейчас плохо. А так было всегда». А мужчины какие-то идиоты, одеваются бог знает как, говорят неизвестно что, отпуск проводят дома, ограничены. Как-то сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.